

Крендели быта | Les bretzels de la vie quotidienne

Auteur: Надежда Сикорская, [Лозанна](#), 16.05.2024.

Борис Пильняк (1894-1938)

Лозаннское издательство Éditions Noir sur Blancполнило свою коллекцию «Библиотека Димитрия» обновленным французским переводом повести Бориса Пильняка «Красное дерево».

|

Les Éditions Noir sur Blanc à Lausanne étoffent leur collection « La bibliothèque de Dimitri » au moyen d'une traduction mise à jour de *L'Acajou* de Boris Pilniak.

Les bretzels de la vie quotidienne

Не могу сказать, что Борис Пильняк – мой любимый писатель. Или что «Красное дерево» – мое любимое произведение этого крайне плодовитого автора, при рождении названного Бернгардом Вогау: его отец был потомком тех самых немцев Поволжья, которым посвящен роман Гузели Яхиной «[Дети мои](#)». Но в сегодняшнем контексте, на фоне того, что происходит в России, в том числе и в России литературной, нельзя не признать, что привлечение внимания европейского читателя к этой повести очень своевременно не столько даже в силу ее содержания, сколько в силу той роли, которую она сыграла в судьбе ее автора.

Все у Бориса Пильняка шло хорошо. До такой степени, что в 1924 году сам Сталин упомянул его в цикле лекций «Об основах ленинизма», упомянул скорее положительно, как автора рассказа «Голый год», отразившего «негативные явления в партийной среде». Случилось ли с Пильняком головокружение от успехов или просто «так вышло», но в 1926 году он заканчивает «Повесть непогашенной луны», в основе которой – слухи о насильственной смерти Михаила Фрунзе, не без участия Сталина. Номер «Нового мира», в котором повесть была напечатана, был изъят из продажи уже через два дня после выхода, однако Пильняк отделался тогда легким испугом – разгромной статьей в следующем номере того же «Нового мира». И больше ничего. Более того, в январе 1927 года принятое годом ранее постановление о снятии его из ведущих сотрудников трех литературных журналов было отменено, а в 1929 году он возглавил Всероссийский союз писателей.

И вот, находясь в этой важной на тот момент должности, он опубликовал в том же году повесть «[Красное дерево](#)», чем вызвал страшный скандал. Не из-за сути произведения, а из-за того, что оно вышло не в России, а в русскоязычном издательстве Петрополис, редакция которого почти в полном составе переехала в 1922 году из Петербурга в Берлин, перед отъездом успев издать последний прижизненный сборник Николая Гумилева «Огненный столп». Уже в Берлине издательство это опубликовало, в частности, сборник О. Э. Мандельштама «Tristia», «Колчан» и «К Синей звезде» Гумилева, книги Евгения Замятина и многое другое.

BORIS
PILNIAK

L'ACAJOU

Traduit du russe, préfacé
et annoté par Jacques Catteau

Судя по всему, Борис Пильняк не осознал, насколько за несколько лет изменилась страна – то, что могло сойти с рук в 1926-м, не сходило в 1929-м. На автора обрушился град критики, в которой участвовал даже Маяковский, а факт издания книги за рубежом был приравнен к предательству родины – сегодня Пильняка точно записали бы в иноагенты. Но он снова выжил, хотя и был отстранен от должности председателя Всероссийского союза писателей, который вскоре и сам был ликвидирован, как антисоветская организация. Уехать за границу Пильняку, в отличие от Евгения Замятина, не удалось. Не удалось и уйти от судьбы: 28 октября 1937 года он был арестован за связь с троцкистами, что Пильняк всячески отрицал, однако признался под пытками в работе на японскую разведку. 21 апреля 1938 года Борис Пильняк был осуждён Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в государственном преступлении – шпионаже в пользу Японии, приговорён к смертной казни за измену родине и расстрелян в тот же день в Москве, на печально известном полигоне «Коммунарка». Но начало трагического конца было положено «Красным деревом» – 40 страниц определили судьбу.

В аннотациях часто пишут, что эта повесть о том, как идеалы революции разбились о быт НЭПа, и отмечают, что не стоило ее писать в 1929 году. Писать, может, и не стоило, однако нам тема видится иначе: повесть эта – о России как стране юродивых, распространяющих самые бредовые идеи и самих в них верящих, живущих в нищете, пьющих горькую, разглагольствующих об идеях и «опоздавших к поезду времени». Именно этих юродивых Пильняк и называет «кренделями быта».

В этой короткой повести сразу бросаются в глаза самые разные литературные и общекультурные влияния: от «Бориса Годунова», причем не только Пушкина, но и Мусоргского, отведшего в своей опере такую важную роль Юродивому, до «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, опубликованных всего двумя годами ранее. Не рассчитывая, видимо, на достаточную образованность современных ему читателей, Пильняк все «разжевывает»: если вдруг кто не догадался, что город, где убили царевича Димитрия, этот «русский Брюгге и российская Камакура» – это Углич, то в конце повествования прямо указывается «убивец» Годунов, снявший со Спасской башни колокол. Под звон снимаемых с церковей колоколов живет город и в 20 веке, и этот постоянный звон – одна из причин всеобщего безумия. А на Остапа Бендера в качестве одного из прототипов безошибочно указывает стремление братьев Бездетных – «антикваров», приехавших в городок, чтобы за бесценок скупить у разорившихся мещан мебель из красного дерева, – собрать хотя бы половину «гарнитура». Не обошлось и без Гоголя с его говорящими фамилиями: бывшие революционеры, мечтавшие разжечь пожар революции, зовутся Огнев, Пожаров и охломон Ожогов. Тут тебе и намек на Булгакова – через оказавшихся по разные стороны революционных баррикад членом семьи Скудриных, и даже на «Чайку» Чехова: Ожогов, распивая водку, рассказывает своим «товарищам» о людях, летающих, как птицы, как орлы.

Поскольку поводом для данного анонса послужило переиздание повести на французском языке, нельзя не отметить ее крайнюю сложность для перевода. И дело не просто в образности языка Бориса Пильняка – чего стоит, например, «Китай-город в Москве был тем сыром, где жили черви юродов», – но и в изобилии архаизмов. Вот первый абзац: «Нищие, провидоши, побироши, волочebники, лазари, странники, странницы, убогие, пустосвяты, калики, пророки, дуры, дураки, юродивые – эти однозначные имена кренделей быта святой Руси, нищие на святой Руси, калики переходящие, убогие Христа ради, юродивые ради Христа Руси святой, – эти крендели

украшали быт со дней возникновения Руси, от первых царей Иванов, быт русского тысячелетия. О блаженных мокали свои перья все русские историки, этнографы и писатели. Эти сумасшедшие или жулики – побироши, пустосвяты, пророки – считались красою церковною, христовою братиею, мольцами за мир, как называли их в классической русской истории и литературе.» Тут не всякий русскоязычный читатель разберется!

Однако перевел текст – и написал предисловие к нему – не кто-нибудь, а Жак Катто, профессор Сорбонны, один из крупнейших французских специалистов по русской литературе, имя которого уже не раз [встречалось](#) на наших страницах. Так что можно не сомневаться, что франкоязычные читатели все поймут и получат еще одну головоломку в копилку загадок русской души.

[русская литература в Швейцарии](#)

[русская литература во французских переводах](#)

[швейцарские издательства](#)

[Надежда Сикорская](#)

Nadia Sikorsky

Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/culture/krendeli-byta>